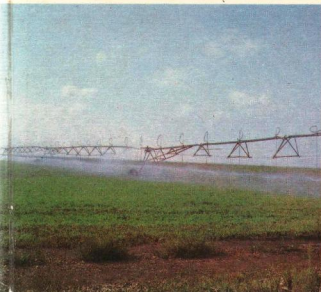

333(092)
139

ГЕРОИ ОДИННАДЦАТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

ГЕРОИ ОДИННАДЦАТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

333с (092)
Г-39

+ оп 46. + 3.-

книга **4**

МОСКВА АГРОПРОМИЗДАТ 1986

Оренбургская областная
библиотека им. Н. К. Крупской

ЧЕРДИНЦЕВ
Василий Макарович

Комбайнер
колхоза „Рассвет”
Сакмарского района
Оренбургской области
РСФСР

Оренбургская областная
библиотека им. Н. К. Крупской

СЧАСТЬЕ ХЛЕБОРОБА

Над пирогом «колдовали» лучшие кули-нары Кваркена. Заказ был не из простых — на праздничном изделии надо было разместить двадцать две звезды.

— Куда столько? — удивились кондите-ры, когда прибыли к ним с заказом посланцы из совхоза «Кульминский».

— Скажите спасибо, что не восемьдесят шесть, — смеялись сельчане в ответ, — что намолот лишь на один комбайн берем, а то была бы вам работка!

— Да и так в метр длинной пирог будет. Довезете ли, путь неблизкий?

— Довезем, — заверили заказчики. — Да и как не довезти! У нас праздник сегодня. Чердинцева знает? Василия Макаровича?

— Кто ж его не знает? Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии, член Центрального Комитета партии. А что, он опять у нас?

— У нас. Приехал со своим звоном — помогать... В девятнадцатый уж, кажется, раз!

В сакмарских степях хлеб поспевает раньше, поэтому с уборкой там управляют быстрее. И знаменитый механизатор, поработав на жатве в своем колхозе, отправляется на восток области, где по погодным условиям страду начинают позже и где все еще не хватает рабочих рук.

В уборочную Василий Макарович, как знаменосец в полку, всегда впереди. Вот и в этот раз у себя на родине звено намолотило 53 тысячи центнеров зерна. И на целине, в совхозе «Кульминский», успело выгрузить из бункеров 33 тысячи центнеров.

«На такого можно равняться!» — эти слова приходилось слышать не только в «Рассвете» и «Кульминском», но и в других хозяйствах области. По двадцать две звезды засияли в страду 1984 года на каждом из четырех комбайнов его звена.

...Идут машины к межнику у края загона. Но что такое? Когда уходили отсюда на

последний предобеденный круг, ничего, кроме валков и соломенных копен, на поле не было. А сейчас... флаги, транспаранты и людей вокруг что-то многовато. Не любит звеньевой остановок в самый разгар работы, но сейчас, взглянув на часы, успокоился: время подошло к обеду.

Едва остановили машины, навстречу двинулись девушки в нарядных русских костюмах.

— Что за праздник? — улыбнувшись, спросил Чердинцев.

— Звездные именины, Василий Макарович, — сказал секретарь Кваркенского райкома партии Н. П. Разоренов. — Ведь звено ваше вышло в лидеры областного соревнования. Вот и принимайте поздравления.

Поздравлений, действительно, было много. Победителям вручали дипломы и вымпелы. Говорили теплые слова. И, как всегда, в большой праздник не обошлось без песен. Хорошо пели девушки, а Василию Макаровичу почему-то стало немного грустно. Подумал о сыновьях, которые, выучившись у отца хлеборобскому мастерству, отпали от дома, работают сейчас на ответственных участках сельскохозяйственного производства. Найдут свое место и нынешние его ученики: племянники — Василий и два Семена Чердинцевых, Александр Колесников, Асхат Бикбаев. Мастерами ушли в большую жизнь поддерживаемые им в начале трудового пути многие ребята. Значит, все правильно и печалиться нечего: дети должны взрослеть и, мужая, становиться вровень с отцами, вровень со временем.

— Спасибо, — поблагодарил звеньевой собравшихся. — Хорошие именины получились. Многое под песни вспомнилось.

...Бывает в году удивительная пора: один за другим уйдут с поля комбайны, отпылят на большаке последние крытые брезентом грузовики... И потом только тракторы будут

тревожить тишину осенних полей, отдыхающих после многотрудного лета.

Именно в такую пору зашел у нас с Василием Макаровичем интересный разговор.

— Как-то раз, — начал он, — просмотривал я документы по истории нашей области, которой на днях исполнилось пятьдесят лет. И наткнулся на телеграмму оренбургского губпродкома народному комиссару продовольствия. Шло лето девятнадцатого года. Тогда, в девятнадцатом, в области удалось заготовить 150 тысяч пудов хлеба. А что представляет собой Оренбуржье сейчас? На сотни километров во все стороны раскинулась его звенящая колосом, спелая нива. И час, и другой, и третий едешь по степи — и видишь бунты золотой пшеницы на токах, вереницы машин с грузом для элеваторов, мелькают в воздухе лопасти тысяч жаток, укладывающих спелый колос в валки, крупное зерно, как дробь, бьет в стенки многочисленных «Колосов», «Нив», «Сибиряков».

Среди тех, кому обязано Оренбуржье своим движением вперед, — Василий Макарович Чердинцев, механизатор колхоза «Рассвет» из Сакмарского района. Сорок два года водит он комбайн по хлебным массивам, событиями самого большого масштаба наполнена его жизнь.

Помню, в шестьдесят четвертом я взял ему письмо от механизатора целинного совхоза «Брацлавский» Михаила Каменского. Василия Макаровича отыскивали быстро — посыльная перехватила его по дороге из мастерской. В руках Чердинцев держал какие-то крючья.

Письмо он читал вслух, присев на ступеньки крыльца.

«Уважаемый Василий Макарович! — писал ему Каминский. — Я хорошо помню, как в прошлом году вы были у нас, помогали убирать урожай. Ваш комбайн не знал проста. Многие мои товарищи говорили: вот у кого поучиться можно. И учились...»

— Гм-м, — прокашлялся Чердинцев: человеку скромному неловко от похвалы, хотя бы и заслуженной. А глаза его бежали дальше по строчкам.

«Помните, я не раз расспрашивал вас о секретах мастерства. Большое спасибо, что вы, ничего не тая, делились опытом, помогали, учили ценить рабочее время. Теперь — главное. Члены нашей бригады подсказали хорошую мысль. «Вызывай, — говорят, — Михаил, Чердинцева на соревнование. Правда, тягаться с вами будет нелегко. И все же, хочу попробовать!»

Дальше Каминский предлагал работать жаткой ЖВН-10 на высоких скоростях.

— Что же здесь стоим? — дочитав, сказал Чердинцев. — Едем в поле. Прикинем на месте, что и как.

В поле, опускаясь перед режущим аппаратом жатки на колени, он сказал:

— Видишь, как пригнуло хлеба дождем и ветром. Для того чтобы не потерять хлеб, сделаем так...

Комбайнер стал брать то один, то другой из принесенных с собой крючьев и прилаживать их к жатке.

И после заседания члены бюро райкома расходятся не сразу.

*Вот попьет дедушка
и, может быть, даст поддержать руль комбайна.*

терства, по которым живут настоящие советские труженики.

Приведу в подтверждение этих слов один случай. В семьдесят седьмом году Василию Макаровичу была присуждена Государственная премия СССР. Ехал я в Сакмару по заданию редакции, заранее зная, что герой отдыхает сейчас на курорте. К моему удивлению, он оказался дома.

На столе лежал веер поздравительных открыток. От Героя Социалистического Труда В. П. Каратаева. От партийных организаций. От обкома партии. От совсем незнакомых людей со всех концов страны. Разбирая пачку, я невольно поглядывал на хозяина: выглядел он как-то очень растерянно. Долго шагал по комнате, а потом вдруг стал рассказывать о том, как когда-то, возвращаясь «самоходом» с целинной жатвы, на полпути между Халилово и Кувандыком сжег покрышку вместе с камерой на заднем колесе. Пришлось до ближайшей деревни ехать на ободке.

«Зачем ему эти воспоминания? Для чего?» — была собой возникла вопрос. Уборка та была нелегкой, людей вконец измотала непогода. Не трудно было предположить, в каком настроении возвращался Чердинцев из затянувшейся командировки. К тому же заднее колесо, не несущее особой нагрузки, по идее конструкторов не подлежало ремонту. В случае неисправности на его место просто ставили новое. Так что, обнаружив дефект, Чердинцев, по существу, ничего не мог поделать. Тем более осенней ночью, в степи... И, однако, он жестоко корил себя за тот давний случай — так казнил себя за вполне извинительный промах лишь человек, всей душой болеющий за свое дело.

И тогда мне стало ясно, что происходит с хозяином. Взволнованный присуждением премии, он придирчиво, шаг за шагом, проверял свои поступки, вытаскивал на суд совести все, что казалось ему в прошлом недостойным или мелочным. Он готовился к новому витку в спирали своей жизни, ибо высокая награда не только не завершала

его трудовой биографии, а, наоборот, звала к новым свершениям.

Он так и сказал:

— Считаю, что Государственную премию выдали авансом. Постараюсь делом оправдать ее.

А вот еще одна, более близкая по времени встреча.

В просветах мощных зеленых лесополос белели кромки хлебных полей. Кое-где уже лежали валки и даже копны: страда вступала в полную силу. В «Рассвете» убирали рожь — каждый ее гектар дал по 20 центнеров прекрасного зерна. Значит, искать надо было Василия Макаровича на хлебном поле. Его домашние сказали, что глава семьи уходит утром еще до шести часов, а возвращается глубокой ночью.

Однако нашел я Василия Макаровича не на зерновом поле, а в лугах, на участке поливного костра. Меж косовицей ржи и пшеницы образовалось «окно». И Чердинцев, чтобы не пропадало время, решил помочь кормозаготовителям.

В звене мастера всегда можно столкнуться с чем-нибудь неожиданным. Так случилось и на этот раз. Механизаторам предстояло обкатать новый комбайн марки «Дон».

История тут такова. Сразу после XXVI съезда партии, на котором Чердинцев представлял коммунистов Оренбуржья, Василия Макаровича вместе с другим прославленным комбайнером области А. М. Юдиным по инициативе Ростовского обкома партии пригласили на завод «Ростсельмаш» и показали комбайн новой модификации. Механизаторы детально осмотрели машину, высказали свои замечания, а потом их спросили:

— Возьметесь обкатать машину в оренбургских условиях?

Разумеется, оба изъявили согласие. Какой мастер откажется еще раз проверить свои силы!

И вот первый «Дон» пришел в колхоз. В ответ на мою просьбу высказать свое мнение о новинке Василий Макарович засмеялся и ответил, как всегда в подобных случаях:

— Ну, нет! Я после скажу, когда как следует поработаю на комбайне в поле.

Что ж, Чердинцев есть Чердинцев. Он никогда не бросает слов на ветер. И это качество снискало ему заслуженное уважение среди земляков. Люди не любят, когда у кого-то слова расходятся с делом.

Однако откуда у него эта крепость характера, любовь к крестьянскому труду и земле? Истоки нужно искать в его биографии. На земле работали его дед и прадед, отец и старшие братья. Издавна в этом роду начало полевых работ было радостью. Перед выездом в поле мать с вечера готовила отцу одежду понарядней. Этой традиции следует и Василий Макарович. Что из того, что приготовленная женой белая рубаша в один день из-за пыли станет серой, главное — поддержать в себе, да и в других, работающих рядом, ощущение праздника.

Когда он заканчивал школу, началась война. С каждым днем все хуже становилось с едой, в школьных классах стоял страшный холод. Для того чтобы написать что-нибудь в самодельной тетради (бумага стала редкостью), приходилось отогревать замерзшие чернила на печке и долго дуть на заочевенные пальцы. Семьи многих его школьных товарищей получили извещения о гибели на фронте отцов и братьев. Пришло горе и в семью Чердинцевых. В битве с фашистами сложили головы брат Федор и муж старшей сестры Иван. Вот тогда и пошел подросток Василий на курсы трактористов в Сакмарскую МТС.

Меж снежных сугробов стояли полуразобранные тракторы-«колесники». Рядом, согревая людей, в бочках пылала солярка. В мастерских под потолком гулял синий машинный чад, сквозь который почти невозможно было разглядеть усталые лица людей.

СНИМКИ СДЕЛАННЫЕ
В МАЙ 1964 Г. В С. ПЕТРОВСКО-САХАРОВСКОМ
РАЙОНЕ

Что и говорить, в такой картине мало хорошего. Однако и сейчас при одном упоминании о МТС у Василия Макаровича становится теплее на сердце.

Старики становились за слесарные верстаки вместо ушедших на фронт сыновей. Из слабосильных девчушек создавались бригады. А на хлебные загонки выводили комбайны только-только успевшие подрасти мальчишки.

В это время встал к штурвалу комбайна и Василий Макарович. В сорок втором брат, Мин Макарович, получив повестку в военкомате, подвел подростка к полю и по-мужски скупно сказал: «Вот, братуха, тебе машина. Работай на полную мощь, но и береги. А я — на фронт».

Так просто и буднично решилась судьба Василия Макаровича. Мимо Сакмары тянулись на запад поезда, на прикрытых платформах которых стояли танки, орудия, тягачи, другое снаряжение. А вместе с этим

стратегическим грузом везли к фронту и драгоценное продовольствие — муку из знаменитой оренбургской пшеницы. Значит, в долгожданной победе, сорокалетие которой отмечает страна, была и его доля, доля начинающего землепаша.

Сейчас можно с уверенностью сказать, откуда у этих мальчишек военной поры непоказная жадность к работе, настойчивость в достижении намеченных целей. С юношеских лет не искали они легких путей в жизни, были причастны к великой победе над врагом, укреплению и расцвету могущества нашей Родины. А большие дела, как всем известно, растят большого человека!

Отсюда же, как мне кажется, идет и реалистически трезвый подход Василия Макаровича к любому жизненному явлению. Стоит только послушать, как он разговаривает с молодыми механизаторами. Нет, он не упрощает крестьянский труд, откровенно

К слову
знатного комбайнера
прислушиваются
со вниманием.

Последняя проверка
перед выходом
в поле.

Оренбургская областная
библиотека им. Н. К. Крупской

говорит об имеющейся подчас бесхозяйственности, о необходимости бережного отношения к народному добру, к общей работе.

Как-то однажды в разговоре со мной он сказал:

— Конечно, нам, жителям степного края, приходится вырабатывать хлеб в суровых природных условиях, каких, пожалуй, нет ни в одной европейской стране. Засуха в оренбургских степях — явление обычное. Но и при этом мы получаем совсем неплохие урожаи.

Но можно получать еще больше. Дело в том, что кое-кто пытается ссылкой на засуху скрыть свою бесхозяйственность, агротехническую безграмотность, халатность, неумение мыслить по-государственному.

Свои думы прославленный механизатор не привык таить от других. К его голосу прислушиваются специалисты, партийные и

советские руководители. Оренбургские коммунисты не раз оказывали ему большое доверие, посылая на съезды коммунистической партии. Он был делегатом XXIII, XXIV и XXVI съездов.

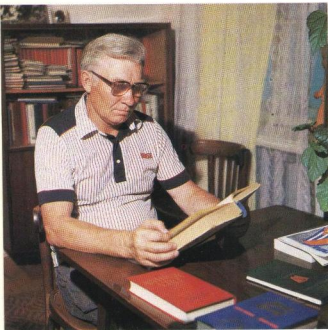
В июне восемьдесят третьего на Пленуме ЦК КПСС его избрали членом Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. Дважды Василий Макарович выполнял обязанности народного избранника, являясь депутатом Верховного Совета СССР. На Третьем Всесоюзном съезде колхозников избран членом союзного Совета колхозов. Став Героем Социалистического Труда, за десятую пятилетку он выполнил двадцать годовых норм по намолоту зерна. А за ударный труд в нынешней, одиннадцатой, пятилетке награжден правительственными наградами: орденом Ленина и второй золотой медалью «Серп и Молот».

Весть об этом застала Василия Макаровича за границей, в поездке по Чехословакии. И первое, что он сделал, возвратившись, это сразу пошел на машинный двор. Все комбайны звена были выведены на линейку готовности еще с осени. Но мало ли что!

Несмотря на засушливую весну, хлеба набирали силу. Но так как были они все же мелкорослы, с подгоном, следовало заранее подобрать к ним «ключи». Справился Василий Макарович с этой задачей, как всегда блестяще.

Страда снова оказалась не из легких: едва соскочил рожь, область захлестнули дожди. Вот тут и сказалась отлаженность техники звена. В других хозяйствах механизаторы еще только поглядывали на влажное поле, решая, выезжать или не выезжать. А машины Чердинцева уже выведены на подбор. И это, заметьте, при отличном качестве работы — ни единого колоска, оброне-ного на стерне, ни единого зернышка в соломе копнителя.

Когда я приехал в Сакмарский район на праздник, подобный описанному в начале очерка, Василий Макарович помогал убирать хлеб уже пятому хозяйству. На счету

Жаль, что свободная минута выпадает редко.

звена имелось 45 тысяч центнеров зерна вместо 30 тысяч по обязательству, и старейшина оренбургских мастеров жатвы был уверен, что эта цифра будет перекрыта по крайней мере еще не менее чем на пять тысяч центнеров.

Так оно и случилось впоследствии. А в этот раз Василий Макарович был обеспокоен «Доном», доводка которого явно затянулась. Отметив положительные качества машины, он не поскупился на критику: всяких ответвлений от гидросистемы под кабиной напутано, металл взят не из лучших, «летят» патрубки. По-прежнему велика нагрузка на почву — облегчить бы.

— Вот вернусь в «Рассвет», — пообещал звеньевой, — разберу все по винтику и отправлюсь на завод — пусть выясняют, что к чему.

— А отдохнуть после жатвы?

— Да не люблю я отдыхать, когда дело не доделано. Будет висеть над душой... Нет уж, лучше сначала съезжу в Ростов.

...В это время над ближним леском проглянуло солнце. Однако над горизонтом копились синеватой грядой тучи. И Василий Макарович поспешил в поле, где его машину ожидали последние в это лето необмолоченные валки...

Иван Гавриленко